

В сцене из спектакля Рабочего театра актеры Альфред Чэрри (судья Ландис), Уолтер Блочер (Уильям Хейвуд) и Чак Портц (адвокат Динордж Вандивер).

«Деили Уорлд», Нью-Йорк.

Ожившие страницы рабочей истории

Герсические моменты боевой истории рабочего движения США — такова тема спектакля Рабочего театра в Нью-Йорке, о котором рассказывает видный американский писатель, публицист, один из ветеранов коммунистической партии страны.

Арт Шилдс

«ДЕИЛИ УОРЛД»,
НЬЮ-ИОРК.

Я не пишу театральные рецензии, но сейчас не могу не отозваться на спектакль Рабочего театра, который увидел недавно в «Уэддон тилд театр» в Нью-Йорке. В центре этой пьесы, названной «Уобблиз», — образы двух выдающихся деятелей американского рабочего движения: Уильяма Хейвуда и Элизабет Гарли Флинн. На мой взгляд, драматургам Стюарту Борду и Питеру Роблотте, постановщикам Чаку Портцу и Мартину Бармену удалось создать подлинно классовое, антибуржуазное и яркое театральное произведение. Пьеса близка мне в первую очередь потому, что живо напоминает волнующие дни далекой юности.

Но сначала несколько слов объяснения. «Уобблиз» — так называли в просторечии членов ИРМ, а это сокращение расшифровывается «Индустриальные рабочие мира». То была независимая профсоюзная организация, стоявшая на революционных позициях. ИРМ создавала союзы промышленных рабочих за 30 лет до появления Конгресса профсоюзных профсоюзов. ИРМ организовывала массовые забастовки, которые потрясали капиталистическую Америку. Но члены ИРМ и сама организация подвергались самым жестоким преследованиям за всю историю рабочего движения США.

В спектакле речь идет о двух судебных процессах против ИРМ. Центральной фигурой на них был Уильям Хейвуд — Большой Билл, как его называли рабочие. Судьи судьи — церемонизируются волнующими картинами классовой борьбы. В одной из них молодая Элизабет Гарли Флинн (в последние годы жизни она была председателем Коммунистической партии (США) обращается к группе забастовщиков со страстным призывом проявить солидарность. Эта сцена воскрешает события в Лоуренсе в 1911—1912 годах, когда Флинн и Хейвуд возглавили стачку 25 тысяч текстильщиков. Для того времени это была необычная стачка — поющая, марширующая, она объединила американских и иностранных рабочих суконных фабрик

на долгие месяцы борьбы. Забастовщики держались, несмотря на голод, избиения, сфабрикованные судебные процессы. Они стояли вместе и победили.

Я увидел в этой постановке ожившие страницы рабочей истории. В той стачке я не принимал участия, но в 1913 году мне довелось слышать яркие выступления Элизабет Гарли Флинн перед бастующими текстильщиками Патерсона, штат Нью-Йорк. И я хочу поздравить с удачей Бетти Крегг, талантливую молодую актрису, блестящево воплотившую образ Флинн. Именно такой я видел ее больше 60 лет назад. Бетти Крегг, как мне сказали, — одна из руководителей Рабочего театра, осуществившего эту постановку.

Но вернемся к Уильяму Хейвуду. Он сражался за свою жизнь на процессе в Бойсе, штат Айдахо, в 1907 году. Его роль отлично играет Уолтер Блочер, актер, известный по выступлению в музыкальном спектакле «Человек из Ламачи». Я без труда узнал на сцене того человека, которого слышал на митинге в Патерсоне в 1913 году.

В 1907 году Большой Билл работал секретарем-казначеем Западной федерации шахтеров — так тогда назывался профсоюз рудокопов. Шахтовладельцы наняли сыщиков и адвокатов, чтобы поймать Хейвуда на каком-либо провинности. Ничего не удавалось, и тогда они сфабриковали обвинение против Хейвуда в том, что он якобы записал за убийство бывшего губернатора Айдахо. Убийца на самом деле был агентом частного сыскального бюро Пинкертона. Он позволил себя арестовать и стал свидетельствовать против Хейвуда.

Великолепно показала в спектакле обстановка во время процесса, отменно поставлен диалог между Большим Биллом и прокурором. До сих пор помнится обреченное защитника Кларенса Дэрроу (актер Фил Левин) к присяжным заседателям: «Если под нажимом этой шайки вы вынесете смертный приговор, то Уильям Хейвуд умрет, как любой смертный. Но я хочу сказать, что миллионы людей подхватят знамя труда, склоненное над могилкой Хейвуда, и пронесут его вопреки всем вашим тюрьмам, эшафотам, расстрелам и судам до конечной победы».

За этими словами Дэрроу слышались громовые раскаты массовых рабочих демонстраций по всей Америке. Грозным предупреждением прозвучало заявление Юджина Дебса, на-

шего видного социалистического лидера о том, что американские рабочие, если потребуются, возмущаются за оружие, чтобы спасти Хейвуда. Это предупреждение распространялось в миллионах листовок. И решение присяжных заседателей гласило: «Не виновен». Хейвуд был оправдан. Провалилась грязная затея Джеймса Маккарлэна, провокатора и автора ложного обвинения, того самого Маккарлэна, которому ранее удалось клеветническими свидетельствами послать на смерть 20 ирландских горняков.

Спектакль достигает кульминации в сценах судебного процесса в Чикаго в 1918 году. Шла война, Хейвуд, бывший тогда секретарем-казначеем ИРМ, снова оказался на скамье подсудимых вместе с почти 100 активными «уобблиз». ИРМ была тогда очень сильна, организовала мощные забастовки, добилась на ряде предприятий введения 8-часового рабочего дня.

И снова сцены суда перемещаются картинами последовательной классовой борьбы. Остается в памяти яркий образ «Красного» Дорана (актер Алан Блюкстоун), пламенного агитатора ИРМ. Он горячо, с юмором объясняет рабочим на одной из своих знаменитых лекций суть прибавочной стоимости.

Тот процесс проходил в последнее время и велся в фарс. Судья Ландис, впоследствии торговавший бейсбольными билетами, без себя, как клоун. Защитник Джордж Вандивер (актер Чак Портц), с которым я встречался в свое время в Ситэте, говорил блестяще, но судья постоянно прерывал его. В один момент он не выдержал и выкрикнул: «Это не суд, а убийство!» Так оно и было. Воспользовавшись военным временем, власти решили расправиться с ИРМ. И хотя Хейвуд мужественно отстаивал право рабочих на забастовку, он и его товарищи были обречены.

Но могу согласиться с финальными словами актера, ведущего спектакль, о том, что, мол, после процесса Хейвуд был морально разбит. Да, организации ИРМ власти нанесли тяжелейший удар, но Большой Билл не потерял веру в свое дело. Я встречался с ним не раз до его эмиграции в Советский Союз (Хейвуда приговорили к 20 годам тюрьмы, но общественности удалось добиться его освобождения под залог). Здоровье его пошатнулось, но моральный дух был высок, как никогда. Хейвуд вступил в коммунистику и многое бы еще мог совершить, если бы не смерть. И лучшее признание его заслуг — тот факт, что часть его праха захоронена у стен Кремля в Москве, где покоятся останки выдающихся революционеров.